

КАРЛО ВЕРЧЕЛЛОНЕ

Вопрос о развитии в век КОГНИТИВНОГО КАПИТАЛИЗМА¹

Экономика, основанная на знании, versus когнитивный капитализм

Концепция когнитивного капитализма возникла в русле некоторых направлений фундаментальной критики теорий информационной революции и/или экономики, основанной на знании, или *knowledge-based economy*:

- Первое направление критики касалось технологического детерминизма, под влияние которого попали некоторые теоретики информационной революции (Castells 1998, Freeman & Perez 1986) и другие аналитики экономики знания. Они отводят информационно-коммуникационным технологиям роль двигателя в процессе перехода к обществу информации и знания, в целом по той же механистической схеме, по которой изобретение паровой машины послужило импульсом для первой промышленной революции, приведшей к формированию рабочего класса и производству материальных благ в индустриальном масштабе². Эта ограниченность (представление о технологии как единственном двигателе прогресса) неразрывно связана с редукционистским смешением понятий информации и знания.
- Второе направление критики относится к концепции знания в неоклассических теориях эндогенного роста (Lucas 1988, Romer 1990) и в теории экономики, основанной на знании: эти теории проявляют явную тенденцию к толкованию знания исключительно

¹ Первая версия в *Géographie, Économie et Société* 6, 4 (2004). Полностью переработана и расширена специально для *Логоса*.

² Thompson 1963.

но как товара или общественного блага, которое должно регламентироваться по аналогии с той единственной производительной сферой, которая рассматривается как источник богатства, — сферы торговой. В такой перспективе знание в конечном счете оказывается сведенным к трем функциям: товара, который можно продать, нематериального капитала, который дает преимущество перед конкурентами, и, наконец, инструмента управления рынком, позволяющего оградить свою территорию от новых игроков.

- Третье направление критики оспаривает редуктивное представление о новой роли знания, свойственное большинству интерпретаций, тематизирующих экономику, основанную на знании. Действительно, ее происхождение объясняется, главным образом, большим размахом явления. Она описывается как результат взаимодействия двух факторов: i) долгосрочной тенденции на повышение т. наз. нематериальной части капитала (воспитание, образование, исследование и внедрение, здравоохранение) и ii) переворота в условиях воспроизведения и передачи знания и информации, обусловленным «сенсационным распространением» новых технологий³. Опираясь, казалось бы, на идею исторического разрыва, этот подход в действительности не учитывает ни роли конфликтов, присущих социальному кризису фордизма, ни противоречивых изменений в отношениях между трудом и капиталом, которые по сути являются корнями экономики знания. Он отталкивается от позитивистской и сциентистской концепции знания и технического прогресса, абстрагирующейся от социальных отношений и конфликтов, сопровождающих всю историю капитализма, и от центрального вопроса об управлении *интеллектуальными мощностями производства*. Этот подход выражается также в тенденции рассматривать знание как специфический экономический объект, «не воплощенный» в социальных субъектах.

В результате все эти подходы забывают, что новизна современной исторической ситуации состоит не просто в становлении некоей экономики, основанной на знании, а — что совсем не одно и то же — в становлении такой когнитивной экономики, которая подчинена и вписана в *структуры*, управляющие накоплением капитала. В тезисе о когнитивном капитализме критика политэкономии экономики знания выражается в двойном теоретическом переворачивании.

С одной стороны, понятие когнитивного капитализма приходит на смену бесцветному понятию «экономки, основанной на знании» и предлагает рельефнее обозначить исторический аспект диалектического конфликта составляющих его терминов:

— термин «капитализм» указывает на стабильность фундаментальных постоянных величин капиталистической системы (при всех ее изменениях), а в частности, на ведущую роль прибыли и отношений наемного труда, или, точнее, различных форм труда в зависимости от того, из чего именно извлекается прибавочная стоимость;

³ Foray 2000.

— термин «когнитивный» в свою очередь выявляет новую природу труда, источников стоимости и форм собственности, на которых основано накопление капитала, а также противоречия, порожденные этой новой природой.

С другой стороны, в плане методологии, подход когнитивного капитализма погружает знание в конкретную историческую динамику конфликтных отношений знания и власти, которые задают развитие капиталистического разделения труда и трансформации отношений наемного труда.

Введение

С наступлением кризиса фордистской модели капитализм вошел в фазу радикальных изменений и, в частности, в т. наз. кризис развития. Он проявляет себя как в кризисе экономической теории развития, так и в новых направлениях в политике, с помощью которых страны Юга пытались в 1950–80 годы догнать индустриально развитые страны. Попытки преодоления этого кризиса и поиски альтернативы катастрофическим последствиям политики структурных преобразований по образцу развитых стран нашли отражение в многочисленных трудах, пытавшихся заложить фундамент новой экономики развития. Возникшая дискуссия не была, однако, свободна от индустриалистского взгляда на динамику капитализма и проблематику развития и отсталости. В данной статье я предлагаю пересмотреть концепцию развития в свете изменений, связанных с кризисом индустриального капитализма и с переходом к «новому капитализму», который мы определяем как капитализм когнитивный. В 1-й части статьи я проанализирую структурный кризис парадигмы индустриализма как модели развития, унаследованной от теорий развития 1950–80 годов. Затем я покажу необходимость пересмотра проблематики «мутации» индустриального капитализма и перехода к когнитивному капитализму. В 3-й части будет рассмотрена система принуждения и смысл нового международного разделения труда, основанного на когнитивных принципах и укреплении прав на интеллектуальную собственность. Наконец, в последней части я попытаюсь определить некоторые черты стратегии постиндустриального развития. Используя обновленный марксистский подход к различным подразделениям общественного производства, я предложу идеальный тип социально и экологически устойчивого развития.

I. Развитие и отсталость: между теорией и историей

Развитие и отсталость — эволюционирующие понятия, и их эволюция определяется конфликтами и мутациями в сфере международного разделения труда. Противопоставление развития и отсталости уходит корнями в эпоху, предшествующую промышленной революции,

а именно в период экспансии раннего торгового капитализма с XVI по XVIII век. В этот период формирование европейских национальных государств из союза князей и купцов опиралось на два неразрывных процесса: покорение мира за пределами Европы и установление международного разделения труда, которое строилось вокруг «трехсторонней торговли»⁴ и колониальной системы плантаций. В целом империализм, так же как и монополизм, не есть лишь одна (и поздняя) стадия развития капитализма, но сущностная черта становления европейских национальных государств и миросистемы. Изначальный раскол между Севером и Югом сыграл ключевую роль в первичном накоплении капитала и подъеме первой промышленной революции. Поэтому развитие индустриального капитализма еще усилило асимметрию международного разделения труда, придав ей устойчивый и кумулятивный характер. Раскол между Севером и Югом закрепил, по меньшей мере, до конца Второй мировой войны, условия «исконного» разделения труда, основанного на обмене промышленной продукции на продукцию первичного сектора.

После Второй мировой войны национально-освободительные движения и процесс деколонизации постепенно принудили к пересмотру законности империалистического порядка и международного разделения труда, унаследованного от первой промышленной революции. Это период расцвета теории зависимости и неодоказуемой экономики развития — от основополагающих текстов Экономической комиссии ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна до радикальных теорий фатального отставания (*déconnexion*). Эта теория видит главный мотор развития в периферийном национальном государстве, одновременно имитирующем европоцентристскую модель и сопротивляющемся ей. Только оно способно порвать с традиционным международным разделением труда и обеспечить переход от зависимости к самостоятельности.

Заметим, что императив *развития*, как он был выражен, в частности, в манифесте конференции 1955 года в Бандунге, хоть и сплотил третий мир в противовес обоим блокам, выявил, однако, впоследствии свою неоднозначность. Фактически, *развитие* означает выбор модели индустриального прогресса, по которой каждое государство «строит себя, следуя примеру современного колонизаторского Запада, но избегая порабощения и эксплуатации, неотделимых от колониализма»⁵. В результате этой двусмысленности вместе с идеей развития был заимствован весь специфический набор категорий индустриального капитализма, разработанных западной политической экономией (богатство, потребности, производительность, отношение к природе и к знанию). Отвер-

⁴ Обмен европейских товаров в Африке на рабов, продажа рабов на острова, например, Антильские, и, наконец, привоз в Европу островных товаров.

⁵ Shiva 2002a: II.

гая либеральную теорию отсталости, большинство течений экономики развития в конечном счете разделяет с ней все тот же культ промышленного роста, с которым отождествляет развитие. К этому перекосу добавляется расхожее представление о нейтральности науки и технологии, недооценивающее социальные аспекты и полагающее возможным заимствовать технический прогресс без воспроизведения социальных отношений, воплощенных в оборудовании и инженерных технологиях, организующих трудовой процесс⁶.

В начале 80-х годов XX века монетаристский шок и долговой кризис достигают периферии под воздействием делокализации производства на Севере и волюнтаристской политики на Юге и кладут конец иллюзиям о возможности «глобализации фордизма». Конечно, надежда на глобализацию модели массового производства и потребления уже наталкивалась на ограничения эндогенного свойства, обусловленные, как, например, в Бразилии, неравенством в распределении доходов, технологической зависимостью и ростом расходов на замещение импорта при переходе от сектора товаров потребления к сектору средств производства. Однако нарастающая тяжесть долга «душит периферийные модели фордизма», втягивая их в бешеную гонку по импортирующей и гиперпроизводительной модели, которая еще больше разрушает структуру местной экономики и ускоряет экологическую дестабилизацию планеты⁷. Под эгидой МВФ и Всемирного Банка либеральный подход в его широком монетаристском варианте обретает безраздельное господство. Девелопменталистская парадигма уступает место парадигме «Вашингтонского консенсуса», построенной вокруг треугольника «жесткая экономия — приватизация — либерализация», которая вскоре становится моделью т. наз. переходной экономики в странах бывшего советского блока. Здесь развитие перестает быть самоцелью. Его изображают теперь естественным и гарантированным результатом спонтанного роста, обеспеченного импульсом мирового рынка, и специализированной экономики, основанной на сравнительных преимуществах своих «фирменных» отраслей. Однако приходится признать, что неолиберальная политика не только оказалась неспособной облегчить бремя государственного долга, но и втянула, как в водоворот, большую часть стран, вынужденных к структурным преобразованиям, включая страны с переходной экономикой, в порочный круг т. наз. *развития отсталости* (*développement du sous-développement*). Помимо этого финансовый кризис 1997—98 гг. показал, что финансовая либерализация может привести и к дестабилизации наиболее динамичных режимов развития, как, например, в странах Юго-Восточной Азии, которые следовали неортодоксальным стратегиям роста по крайней мере до середины 90-х годов. И последнее замечание: картину кризиса Вашингтонского консенсу-

⁶ Dockès & Rosier 1988.

⁷ Lipietz 1985, 1993.

са завершает подъем антиглобалистских движений, финансовый кризис и социальная буря в Латинской Америке, а также все большее увязание Африки в вынужденной изоляции. Неразрывно связанные друг с другом вопросы развития и регулирования мировой экономики оказываются, по выражению бывшего главного экономиста Всемирного банка, «на перепутье, точь-в-точь как во время Великого Кризиса»⁸. В настоящее время существует всеобщее согласие по поводу факта «кризиса развития», но он воспринимается через призму идеи К. Поланьи об историческом маятнике между Государством и Рынком как принципами регулирования экономики. После банкротства либеральной политики ставкой в обновлении экономики развития оказывается либо мощный рецидив девелопменталистской модели государства, либо новый теоретический синтез и провозглашение «умеренности и равновесия между действиями государства и поправками децентрализованных структур»⁹. Попытка синтеза находится также в центре концепции «благого [надлежащего, правильного] правления» (good governance), разработанной Всемирным банком в ответ на драматические результаты политики структурных преобразований. В этой концепции Всемирный банк опирается на ключевую роль «гражданского общества» и «развития на основе активного участия» как промежуточных уровней между государством и рынком. Однако эти понятия расплывчаты, и роль гражданского общества упоминается в контексте, который в полном согласии с прежним политическим курсом пытается оправдать самоустранение государства и занизить негативные последствия кризиса и структурных преобразований. В целом рассуждение строится так, будто вопрос развития можно решить на уровне регулирования (государством или рынком), который должен обеспечить рост, опираясь на движущую силу индустриального капитализма; в это видение иногда добавляют теперь поправки экологического толка, учитывающие требования устойчивого развития.

II. Истоки, значение и внутренний смысл подъема когнитивного капитализма

В конечном счете рассуждения о развитии остаются в плену индустриалистского подхода и не учитывают глубоких изменений, характеризующих накопление капитала, производительные модели и международное разделение труда со времен кризиса фордизма. На наш взгляд, назрел пересмотр концепции развития в свете мутаций, связанных с упадком индустриального капитализма и переходом к новому капитализму, который мы называем когнитивным. Истоки этого перехода лежат в распространении и все более активной роли знания, вытекающей из общего повышения среднего образовательного уровня и роста доли интеллек-

⁸ Stiglitz 2002: 319.

⁹ Boyer 2001: 25.

туального и нематериального труда. Знание становится все более и более коллективным достоянием, и различные формы переноса и рассредоточения знания постепенно произвели переворот в организации труда на предприятиях и их отношениях с обществом.

Главная черта этого кризиса индустриального капитализма состоит в постепенном утверждении нового качественного преимущества живых знаний, вовлеченных в процесс работы, над организацией фирмы и знаниями, воплощенными в основном капитал (и в частности, в отделе методологии, исследований и разработок). Уточним, что главный фактор трансформации невозможно объяснить технологическим детерминизмом, делающий из информационной революции основной фактор перехода к новому разделению труда и новым социальным отношениям. Информационно-коммуникативные технологии могут правильно функционировать только на основе знания, способного их использовать. Действительно, если знание не берет на себя обработку информации, информация остается бесплодным средством, как, впрочем, и капитал в отсутствие труда.

Современная трансформация капитализма обусловлена, скорее, не информационной революцией, а тремя динамическими процессами, относящимися к социальному кризису фордистских отношений наемного труда:

- *Поиск альтернатив научной организации труда (НОТ) и продуктивизму.* Отказ от дробления работы и рост потребности в автономии наемных работников переворачивают традиционные тэйлористские формы включения в процесс труда (по крайней мере в масштабе больших заводов, использующих принципы НОТ). Этот процесс сопровождается отходом от идеи прогресса как логики «производить больше», о чем свидетельствует, например, недовольство последствиями модернизации сельского хозяйства во Франции, проводимой в согласии с т. наз. Общей [европейской] сельскохозяйственной политикой, и дебаты вокруг проекта «крестьянского сельского хозяйства».
- *Формирование диффузной интеллектуальности на основе феномена демократизации образования и возросшего общего уровня образования.* Именно новое качество рабочей силы вызвало мощное усиление значения интеллектуальной составляющей труда и перехода от «немой кооперации» фордизма к модели коммуникативной кооперации, присущей когнитивному разделению труда.
- *Рост затрат государства всеобщего благоденствия.* Этот динамический процесс способствовал кризису фордизма вследствие смягчения финансового давления на отношения наемного труда и за счет роста затрат на воспроизводство рабочей силы¹⁰.

¹⁰ Aglietta 1976.

Вопреки распространенным представлениям, социальные условия и ведущие секторы экономики знания, находятся не в частных лабораториях по исследованиям и разработкам, а в учреждениях и коллективном производстве государства всеобщего благоденствия: здравоохранении, образовании, институциональных и университетских исследованиях и т. д. Именно их развитие объясняет один важный факт, имеющий отношение к когнитивной экономике. Мы имеем в виду историческое изменение, в ходе которого доля неосязаемого капитала (исследования и внедрение, здравоохранение, воспитание и профессиональное образование), носителями которого являются люди, превзошла долю материального капитала в реальном основном капитале и стала основным фактором, определяющим рост. Смысл этого изменения состоит в том, что отныне условия профессионального образования и воспроизводства рабочей силы сами стали прямо производительными силами и что сегодня «богатство народов» зиждется все больше и больше на сотрудничестве, как бы «преднайденом» частными фирмами. Параллельно с этим распространение *социализированной заработной платы* (пенсии, пособия по безработице и т. д.) ослабило фактор обязательности наемного труда и обеспечило возможность выбора мобильного соотношения различных форм труда и иной деятельности. Оно также совпало с высвобождением времени, которое, с точки зрения развития экономики, основанной на знании, является непосредственной производительной силой (что соответствует мысли Маркса, высказанной в *Экономических рукописях*).

Иными словами, кризис индустриального капитализма является в значительной степени результатом общей социальной динамики, складывающейся в контур новой модели альтернативного развития с двумя основными осями: 1) реаппроприация и социализация знаний, что находит выражение в устаревании НОТ и в экспериментировании с формами продуктивного социального сотрудничества, альтернативными продуктивизму; 2) расширение коллективных секторов государства всеобщего благоденствия как ведущих для непродуктивистского режима развития, основанного на приоритете нетоварной сферы и знаниеемких производств, которые подводят к идее *производства человека человеком* и воспроизводству диффузной интеллектуальности.

С точки зрения логики и истории, образование условий для экономики знания и централизация нематериального и интеллектуального труда предшествуют становлению когнитивного капитализма. Переход к когнитивному капитализму является результатом процесса структурной перестройки, с помощью которого капитал пытается организовать и подчинить своей логике коллективные условия производства знаний и задуть потенциал эмансипации, заложенный в диффузной интеллектуальности.

Так когнитивный капитализм через финансовую сферу и неолиберальную политику придает импульс новому процессу десоциализации

экономики. Его цели входят в противоречие с социальными и институциональными условиями, которые могли бы обеспечить эффективное хозяйствование в экономике знания. Первая цель — это расширение товарной сферы путем постепенной колонизации институтов государства всеобщего благоденствия, а также общественных благ, каковыми являются знание и живая природа. Вторая цель — через активизацию конкуренции усилить непрочность, шаткость, нестабильность положения работников и индивидуализм в отношениях наемного труда, ибо повышение экономического давления на наемных работников становится основным способом контроля и включения в производственный процесс рабочей силы, приобретающей все большую автономию в сфере производства.

Все это дает нам право утверждать, что логика современного когнитивного капитализма может привести к подрыву самих коллективных источников знания. Когнитивный капитализм не отменяет ни продуктивистской парадигмы индустриального капитализма, ни логики роста материальных благ. Он переформулирует и усиливает их, обрекая науку и новые технологии на обслуживание тенденций к стандартизации и приватизации живой природы, которые, в продолжение двухвековой тенденции индустриального капитализма, грозят разрушением биологического разнообразия и экологической дестабилизацией планеты.

Поэтому переход к когнитивному капитализму в развитых странах связывается с двумя дополнительными «вызовами», оказывающими решающее воздействие на структурную перестройку взаимоотношений Севера и Юг, а также на разработку стратегии выхода из состояния отсталости:

- Экологические границы роста (индустриального и материального), превращающие положительный аспект этого роста (массовое производство как меру борьбы с нехваткой товаров) в разрушительную силу. Всемирное распространение парадигмы капитализма (индустриального, но также и когнитивного) становится в результате немислимым.
- Установление нового международного разделения труда, основанного на когнитивных принципах. Его регулирование идет параллельно с коренными изменениями в праве интеллектуальной собственности, которые со времени подписания Соглашения о торговых аспектах прав интеллектуальной собственности стремятся к всемирному распространению. Эти перемены соответствуют имперской стратегии, целью которой является обеспечение США и ограниченному кругу фирм в других развитых странах дивидендов на интеллектуальную собственность, отводя всему остальному миру роль производителя банальных товаров и поставщика сырья.

III. Когнитивный капитализм, интеллектуальная собственность и новое международное разделение труда

В некоторых отношениях можно истолковать текущий процесс глобализации как возобновление обширного процесса первоначального накопления. Процесс глобализации сочетает в себе традиционные методы первичной экспроприации с попытками превращения в товар всего мира живой природы и мысли. Этот процесс принимает неокOLONиальные формы, опирающиеся, в частности, на распространение и укрепление системы интеллектуальной собственности. Он завершает процесс первичного накопления, который начался во времена первой колонизации с присвоения земель и продолжается как приватизация производства семян традиционных культур и знаний, накопленных коренными народами. На всем пространстве от северных до южных границ миросистемы можно наблюдать новую динамику приватизации «общих благ», которая охватывает как традиционные знания, так и новые знания когнитивной экономики, а также древние коллективные права на сельскохозяйственные и лесные угодья и общественные службы государства всеобщего благоденствия. Основное содержание этих коренных изменений в накоплении капитала составляет захват экономики знания финансовым сектором, а также всеобщее распространение рентной экономики. Процесс становления логики накопления, при которой стираются грани между рентой и прибылью, складывается из мощной откачки ресурсов с Юга на Север на основании долгов, центрального положения финансового сектора рынка и, наконец, расширения системы патентов.

III. 1. К становлению когнитивного разделения труда и новой географии развития

Новое международное разделение труда сопровождается обострением пространственного неравенства развития и строится вокруг двух основных факторов.

Первый является результатом неуклонного роста удельного веса научного и технического знания в производственной деятельности. По мере того как физический капитал приобретает характер второстепенной величины по сравнению со способностью мобилизовать сеть человеческих интеллектов, происходит поворот к когнитивному разделению труда. Оно касается целых отраслей производства, где происходит переход от тэйлористской логики расчленения трудового процесса к логике обучения и развития компетенций.

Новое разделение труда, основанное на когнитивных принципах, начинает качественно преобладать над — слегка модернизированной — тэйлористской логикой, хотя они и сосуществуют. Об этом преобладании свидетельствует мобильность капитала: особые трудности испы-

тывают как раз территории неотэйлористского типа из-за их уязвимости перед подвижностью капитала. И наоборот, знаниеемкие отрасли гораздо лучше закрепляют свои территориальные позиции, поскольку в этих случаях капитал сам попадает в зависимость от ареала интеллектуального и нематериального труда, преднаходимого на месте фирмами, что особенно заметно в крупных городах. При новом когнитивном разделении труда определяющим фактором конкурентоспособности территории все больше становится «ресурс» интеллектуального труда, который можно мобилизовать для какой-либо цели на данной территории. В этом смысле «логика эксплуатации сравнительных преимуществ 'фирменных' отраслей отстывает перед фактом наличия на данной территории монопольных элементов или абсолютных преимуществ в некоторых специфических компетенциях»¹¹. Таким образом, становление когнитивного разделения труда происходит параллельно с тенденцией к новой поляризации географии развития между регионами и нациями.

Эта тенденция к поляризации усугубляется и тем, что автоматизация и экономика разнообразия позволяют странам старой индустриализации вновь завоевать сравнительные преимущества, в том числе в секторах с высокой трудоемкостью. Более того, патентование живой природы и био-технологическая революция часто позволяют северным фирмам заменить «товарами нового типа» продукты и сырье, традиционно импортируемые с Юга¹². Безусловно, наблюдаемый нами процесс неоднозначен: так же, как некоторые фазы производства могут быть перенесены в развитые регионы, возможен и перенос некоторых функций управления и проектирования на Юг или в страны бывшего социалистического блока, которые располагают огромным потенциалом интеллектуальной рабочей силы. Логика делокализации, основанная на снижении затрат на труд, может таким образом сочетаться с когнитивным разделением труда¹³. С этой точки зрения Индия и особенно Китай представляют собой модели политики развития, которая сочетает индустриальную революцию и когнитивный переворот, занимая все более значительное место в самых знаниеемких отраслях нового международного разделения труда.

Тем не менее несмотря на значительное увеличение прямых капиталовложений за границей, они по-прежнему сконцентрированы в развитых странах и в небольшом количестве восходящих стран, ха-

¹¹ Mouhoud 2003: 128.

¹² Этот процесс замещения импорта с Юга частично основан на биопиратстве. В качестве примера можно привести то, как США построили экспортирующее рисоводство: американский рис есть не что иное как одна из разновидностей риса басмати, выведенная изначально индийскими крестьянами. Теперь такие американские фирмы, такие как Rice Tec и Pepsi, требуют право интеллектуальной собственности на нее через патенты и торговые марки.

¹³ Lebert & Vercellone 2003.

рактеризуемых быстрым ростом, обширным рынком и/или мощным потенциалом квалифицированной рабочей силы. Неравенство развития экономики знания порождает самовоспроизводящийся кумулятивный процесс, обрекающий некоторые развивающиеся страны на подлинное «насильственное отставание»¹⁴. Угроза «насильственного отставания» усиливается барьерами протекционизма со стороны стран Севера (например, в области сельскохозяйственной политики). В целом, «свободный обмен остается мифом» везде, кроме стран Юга, которым он навязан¹⁵.

III.2. Коренные изменения в праве интеллектуальной собственности: новое огораживание общинных территорий знания и живой природы

Второй фактор, структурирующий новое международное разделение труда, представлен коренными изменениями в праве интеллектуальной собственности, которое, размывая границу между открытием и изобретением, оправдывает законность патентования живой природы и знания. В оправдание этой политики установления «монопольных рент» обычно указывают, что львиная доля затрат в знаниеемких секторах постоянна и определяется инвестициями в исследовательскую деятельность предприятий. При этом утверждается, будто расширение прав на интеллектуальную собственность и увеличение их срока является главным источником инноваций, позволяющим фирмам амортизировать затраты на исследования и разработки.

Почему эти аргументы представляются нам необоснованными и идеологически нагруженными?

III.2.1. Право интеллектуальной собственности как фактор, препятствующий распространению информации и развитию экономики знания

Упрочение системы прав на интеллектуальную собственность не оправдывается ни объективными экономическими причинами, ни необходимостью стимуляции исследований и инноваций. Приведем в защиту этого тезиса четыре аргумента:

1) Большая часть постоянных затрат на исследования приходится на этапы, предшествующие исследованиям и разработкам. Действительно, условия возможности исследований и внедрения носят все более коллективный характер и зависят в конечном счете от качества и концентрации рабочей силы, обученной в существующей системе образования. Кроме того, большое количество патентов, держателями которых являются фирмы, не есть прямой продукт усилий их исследовательских лабораторий, а происходит от исследований, проведенных

¹⁴ Mouhoud 1992, 2003.

¹⁵ Bairoch 1999.

в общественных учреждениях или же является результатом хищнического присвоения знаний обществ традиционного типа¹⁶.

2) Ошибочно утверждение, будто вся совокупность изобретений (а теперь и «открытий») не увидела бы свет, если бы не была защищена патентами¹⁷. Кроме того, большое количество патентов преследует единственную цель воспрепятствовать исследованиям и инновациям в данных сферах деятельности. Стратегия т. наз. «патентного насыщения» состоит в простом увеличении числа патентов, предметом которых часто являются фундаментальные знания. Она приводит «к ситуации чрезмерной приватизации, что отражается на снижении эксплуатации знания, замедлении темпов создания нового знания и формировании монопольных позиций с пагубными для конкуренции последствиями»¹⁸.

3) Корреляция между существованием и полнотой права интеллектуальной собственности и стимуляцией инноваций не доказана. Более того, юридические решения, усилившие защиту патентов на программное обеспечение в 80-е годы в США, затормозили инновационный процесс¹⁹ и вызвали упадок исследовательской деятельности в тех видах промышленности и компаниях, которые регистрировали наибольшее количество патентов²⁰. Точно так же в фармацевтической промышленности главной причиной, вызвавшей спрос на патентную защиту, была необходимость увеличить затраты на имитацию в ситуации падения темпов инноваций с середины 70-х годов.

4) Существует опасность, что система патентов направит исследования и разработки исключительно на рентабельные производства с платежеспособным спросом в ущерб, например, поискам препаратов для лечения редких болезней или исследованиям болезней, свирепствующих исключительно в 3-м мире (как малярия). Целые обширные области знания рискуют оказаться забытыми только потому, что они с трудом подвергаются патентованию и/или не сулят быстрой прибыли.

В целом укрепление системы интеллектуальной собственности является собой во многих отношениях механизм торможения циркуляции и производства знаний. Ее главная задача далека от поощрения инноваций и состоит скорее в том, чтобы поддерживать искусственно завышенные цены на огромное количество товаров и услуг, тогда как затраты на их производство близки к нулю (как в секторе новых технологий) или очень низки, как в фармацевтической промышленности. Мы имеем здесь дело с ситуацией, противоречащей основным принципам, во имя которых основатели экономического либерализма обосновы-

¹⁶ Shiva 2002b.

¹⁷ Mansfield 1986.

¹⁸ Commissariat Général au Plan 2002: 155.

¹⁹ Clement 2003.

²⁰ Bessen & Maskin 2000.

вали необходимость и эффективность частной собственности. Теперь именно создание собственности порождает нехватку товаров и услуг. И Маркс, и даже Рикардо определили бы такую стратегию как искусственное поддержание приоритета меновой стоимости вместо создания общего богатства, которое складывается из наличия-доступности стоимостей потребительских.

III.2.2. Международное разделение труда и взаимоотношения Север-Юг

Непредвиденные последствия коренных изменений в системе международного разделения труда и прав интеллектуальной собственности для обращения знаний и инновации еще более ощутимо сказываются на развитии Юга. Можно утверждать, что они воспроизводят и укрепляют схему неравного обмена при помощи мощного механизма откачки ресурсов с периферии в центр, который развивается по двум основным направлениям. С одной стороны, издержки переноса технологий и знаний в развивающиеся страны весьма велики, в частности, в области фармакологии, био— и других новых технологий. Таким образом, бездна между Севером и Югом продолжает углубляться, что влечет за собой критическое санитарное состояние в целом ряде стран и другие драматические последствия. С другой стороны, применение патентования к живой природе основывается в значительной степени на биопиратстве и бесплатном присвоении компаниями Севера генетических ресурсов и практических знаний агрономии и медицины Юга, в особенности тропических регионов, где эффект «насильственного отставания», свойственный новому международному разделению труда, особенно катастрофичен. Такое хищническое отношение к ресурсам тем более серьезно, что концепция международного разделения труда, подчиненная парадигме западной науки, не предусматривает никакой формы благодарности и тем более защиты знаний сельских общин о том, что касается их прав (в т. ч. на собственность), а также возможностей использования природных ресурсов.

Этот процесс имеет два важнейших следствия для условий жизни крестьянства и развития сельского хозяйства Юга (но также и Севера). Во-первых, он вводит искусственное разделение между актом производства, «который остается в руках крестьянина, и воспроизводством, которое неминуемо становится монополией и привилегией капитала, т. е. в настоящее время картеля транснациональных компаний»²¹. Во-вторых, патентование семян и навязывание монокультур создают риск навязывания одной или немногих культур и постепенной замены других видов, т. е. униформизации и стандартизации сельскохозяйственной продукции. Разрушается биологическое разнообразие и тот резервуар знаний, на основе которого Север сам в свое время построил свою биотехнологию.

²¹ Berlan 2002: 206.

В противоположность аргументам, использовавшимся уже инициаторами «зеленой революции»²² развивающееся интенсивное сельское хозяйство вовсе не способно удовлетворить потребности растущего населения, но зато разрушает уклад крестьянской жизни и одновременно усиливает его зависимость от крупных агрохимических фирм. В целом монокультуры распространяются не потому что они позволяют больше производить, а потому что они позволяют лучше контролировать²³. На основе обобщения недавних статистических исследований этот автор показывает, почему является мифом тезис об интенсивном широко-масштабном сельском хозяйстве, которое обеспечивает производительность якобы более высокую, чем фермерское хозяйство, занятое выращиванием исконных поликультур. Расчет производительности интенсивного сельского хозяйства искажен не только потому, что учитываются не все затраты и не все отрицательные внешние вложения (ресурсов, энергии, семян), но и потому что подсчитывается только часть продукции — та, которую можно продать на рынке²⁴.

IV. Когнитивный капитализм, экономика знания и устойчивое развитие: некоторые пути исследования²⁵

Анализ когнитивного капитализма и нового международного разделения труда позволяет извлечь несколько уроков для обновления теории развития в свете «иной глобализации». Во-первых, он дает воз-

²² Этот термин обозначает политику индустриализации сельского хозяйства по сверх-интенсивной модели, опирающейся на селекцию нескольких высокопродуктивных культур. Развитая особенно в 1960–70 гг., она фактически содержала в себе все элементы будущей «агроиндустрии» с ее опорой на генетически модифицированные организмы.

²³ Shiva 2001.

²⁴ Shiva 2002с.

²⁵ Предпринятая нами здесь попытка противопоставить доминирующей на сегодняшний день неолиберальной модели идеальный тип альтернативной логики развития призвана прояснить смысл эволюции современного капитализма как в плане статического сравнительного анализа, так и в плане предвидения и рекомендаций. На уровне статического сравнительного анализа это позволит классифицировать (в зависимости от определенного числа ключевых переменных) различные пространственные конфигурации регулирования когнитивным капитализмом в зависимости от удаленности или близости от той или иной модели. С этой точки зрения, мы могли бы выделить некоторое число примеров различных типов регуляции от американского (наиболее близкого к продуктивистской и неолиберальной модели) до 'северного' (наиболее близкого к нашему типу идеальной модели; ср. Monnier & Vercellone 2007, Gadrey 2005). В плане прогностическом и предписательном наш анализ может позволить лучше уяснить важность (и трудность) структурных и институциональных перемен, необходимых для переориентировки экономических и социальных систем и для направления мировой экономики на путь долгосрочного социального и экологического развития. В данной статье мы уделяем большее внимание этому второму аспекту.

возможность уточнить критическое отношение к либеральным стратегиям Вашингтонского консенсуса: а) Новое международное разделение труда еще яснее, чем раньше, опровергает тезис, согласно которому развивающимся странам лучше специализироваться на видах деятельности, требующих много рабочей силы, но мало знания. Процесс поляризации деятельности, присущий экономике знания, обратимость процессов делокализации (*outsourcing*), ставшая возможной благодаря новым технологиям, а также биотехнологии, способные создать замену старым видам сырья, прежде импортировавшимся с Юга, — все это указывает, скорее, что такая стратегия интегрирования в международное разделение труда может оказаться прямой дорогой к «насильственному отставанию»; б) Политика структурных преобразований отнюдь не направила прямые иностранные инвестиции в развивающиеся страны, а привела к драматическому снижению затрат в системах образования и здравоохранения. Таким образом, она не только оказала пагубное влияние на условия жизни населения, но разрушила структурные связи основных предпосылок подъема экономики, основанной на знании, а также предпосылки возможного включения на равных в международное разделение труда.

Во-вторых, анализ когнитивного капитализма и кризиса индустриальной парадигмы развития выявляет те ведущие сектора, на которые могла бы опереться стратегия выхода из состояния отсталости. Здесь может оказаться полезным критическое прочтение общего ядра девелопменталистских теорий 1950–70 годов. Основная проблематика этих теорий может быть резюмирована благодаря классическому исследованию С. Амина (1973), описавшего с точки зрения различных подразделений общественного производства типовые модели *экономики центра*, с одной стороны, и *экономики периферии*, с другой. Первая модель основывается на логической взаимосвязи *индустриального сектора средств производства (S1)* и *сектора массового потребления (S2)*. Речь идет о модели, основанной на собственных ресурсах, фундаментальные взаимоотношения которой описаны (в трудах школы регулирования) концепцией фордизма.

Напротив, режим накопления экономики периферийного типа основывается на экстравертированной и зависимой модели. Эта модель построена на фундаментальной связи между сектором экспорта (S3) и сектором потребления предметов роскоши (S4). Современные промышленные секторы S1 и S2 практически полностью отсутствуют. Воспроизводство рабочей силы обеспечивается традиционным сельским хозяйством и ремеслами, оставшимися от периферийных формаций доколониального и докапиталистического периода. В целом речь идет, по формулировке Розы Люксембург, о «внешней форме» капитализма.

Другая существенная черта периферийной экономики — *дуализм*, характеризующийся сосуществованием экстравертированного капитали-

стического сектора и архаического традиционного сектора, в основном, некоммерческого по природе.

Отсюда процесс развития соответствует волюнтаристской политике индустриализации, позволяющей переход от периферийной экстравертированной дуалистической модели к интравертированной модели развитых стран. По многим теориям развития, в ходе такого перехода главная роль традиционного сектора состоит в том, чтобы способствовать повышению нормы накопления в современном капиталистическом секторе, гарантируя снижение заработной платы и неограниченное предложение рабочей силы. В силу самой этой роли традиционному сектору предначертано исчезнуть, и это постепенное исчезновение и рассматривается как синоним развития²⁶.

Противоречия и конфликты, которыми пронизаны международное разделение труда и новый капитализм, несут в себе, однако, и зачатки новой модели устойчивого развития и солидарности Севера и Юга. Идеальный тип этой модели можно представить как радикальное преобразование характеризующих когнитивный капитализм тенденций, и учреждение общества «демократии и сотрудничества знания», в котором, как предвидел Маркс в *Экономических рукописях*, «основным капиталом становится сам человек».

Упомянем здесь лишь два аспекта этой модели. Дуалистическое видение, противопоставляющее современный сектор обреченному на исчезновение традиционному, стало устаревать. Местные и глобальные экологические кризисы показали, что коллективные знания крестьянских сообществ, которые обеспечили развитие и сохранность биологического разнообразия, должны быть сохранены, а пренебрежительное отношение к ним — пересмотрено. Необходимо признать, что эти знания не являются примитивными, а наоборот принадлежат будущему²⁷. Там, где традиционного сектора больше не существует, он то и дело создается заново, как это происходит сегодня в Европе, где развивается доиндустриальная культура земледелия и животноводства и заново открывается многофункциональность крестьянского труда. Таким образом, перед лицом непредвиденных последствий продуктивизма становится неизбежной реаппроприация знаний и умений крестьян периода доиндустриального сельского хозяйства как условие экологической конверсии и качественного производства. Расширение т. наз. *традиционного*²⁸ сектора должно таким образом рассматриваться одновременно

²⁶ Критикующие этот подход Shiva (1993, 2002) и Amin (2002) приходят, однако, к разным выводам.

²⁷ Shiva 1993.

²⁸ Мы сохраняем понятие «традиционного сектора» чтобы противопоставить наше мнение индустриалистскому подходу к развитию, который рассматривал этот сектор экономики как обреченный на исчезновение. В этом смысле, его реабилитация и развитие совершенно очевидно не означают возврата к буколической модели, предшествующей индустриализации земледелия. Напротив, реабилитация

как один из существенных показателей и как одна из главных задач модели устойчивого развития. Оно предполагает становление новой агрономии, основанной на синергии и взаимопроникновении традиционных сельскохозяйственных знаний и исследований в области энергосберегающих технологий, обеспечивающих бережное отношение к биологическому разнообразию. Эта перспектива зависит в значительной степени от пересмотра редукционистской парадигмы технонауки, поставленной на службу стандартизации и коммерческих манипуляций с живой природой. Такой переход возможен не иначе как через эволюцию к «скорее качественной [чем количественной] науке»²⁹, открытой социо-политическим, экологическим и культурным запросам и т. наз. традиционному крестьянскому знанию — носителю парадигмы экологического и холистического знания природных процессов³⁰.

Знаниеемкие производства находят свое завершение *в производстве человека человеком* (в воспитании и образовании, повышении квалификации, здравоохранении, в исследованиях и разработках, программном обеспечении, фармацевтике и т. д.) и должны рассматриваться (в большей степени, чем секторы материальных товаров потребления и капитала) как новый стратегический сектор производства. В стратегии выхода из отсталости на смену главенствующей роли производства материальных благ и основного капитала также приходит отныне приоритет общественных благ, затрагивающих отношения между людьми, и нематериальных вложений, обеспечивающих подъем экономики знания. Определение этого нового сектора производства основывается на ведущей роли общественных служб государства всеобщего благоденствия, Они должны быть признаны ключевыми секторами знаниеемкой модели развития, а не статьями расходов, финансируемыми за счет отчислений из бюджета коммерческого сектора. Они могут также заменить логику производства, ориентированную на платежеспособный спрос, новой логикой, ориентированной на удовлетворение существенных потребностей и потребительскую стоимость. Именно от развития этого производственного сектора зависят ритм и качество развития, а также возможность включения в международное разделение труда не просто в роли сырьевого или иного придатка. Фактически этот сектор представляет собой движущую силу для достижения «долгосрочной конкурентоспособности», которая зиждется на умении мобилизовать компетенцию, способную справляться с динамикой постоянного изменения и непрерывно обновлять знания,

и развитие этого сектора связаны с более экстенсивным и экологическим земледелием, которое пересматривает, в том числе на основании самых современных научных знаний, логику интенсивного земледелия, основанного на монокультурах и стандартизации живой природы.

²⁹ Gorz 2004.

³⁰ Shiva 2002a.

подверженные все более быстрому старению. Этот потенциал зависит в свою очередь от степени развития общественных институтов, обеспечивающих свободный доступ к знаниям и формирование диффузной интеллектуальности.

Подобные элементы одновременно знаниеемкой и экологически устойчивой модели могут позволить примирить требования «иного развития» в странах Севера с новой политикой преодоления отсталости на Юге. Нам представляется, что эта политика может быть небезынтересной и для стран бывшего советского блока — в той мере, в какой она дает возможность опереться на их главный козырь — потрясающий потенциал умственного труда, — не впадая в искушение возврата к старой политике экстенсивной индустриализации.

Отметим также, что эта модель солидарного развития Севера и Юга (а также Запада и Востока) основывается на критике традиционного тезиса, согласно которому развитие, во всяком случае в своей начальной фазе, предполагает обострение неравенства, призванного способствовать накоплению в ущерб сиюминутному потреблению. Этот тезис представляется необоснованным по двум главным причинам: i) уменьшение неравенства есть главнейшее условие распространения знания и подъема экономики знания, а, следовательно, и процесса конвергенции между богатыми и бедными странами; ii) по своей природе, нематериальные вложения в значительной степени размывают традиционное различие между товарами потребления и средствами производства.

Резюмируя чисто экономическую сторону вопроса, скажем, что старая цель развития (основанная на отношении S1-S2) представляется подчиненной приоритетной задаче гармонизации связи между двумя производительными секторами:

– сектором, объединяющим знаниеемкие производства и службы государства всеобщего благоденствия (которые мы обозначим как S5). S5 выполняет две важнейшие функции: i) обеспечения долгосрочной конкурентоспособности, основанной на компетенциях и поэтому практически не подверженной ни ценовой конкуренции, ни жесткой специализации, и ii) удовлетворение внутренних потребностей, а также воспроизводство социальных условий знаниеемкого общества, основанного как с макро-экономической, так и с социальной точки зрения на постепенном сокращении неравенства в области доступа к знаниям и распределения доходов.

– сектором, соответствующим обновлению так называемых традиционных отраслей (которые мы относим к S6)³¹ Этот сектор включает

³¹ Более точное определение этого сектора совершенно очевидно ставит проблемы теоретического порядка как относительно его границ, так и относительно критериев измерения богатства в соответствии с проблематикой, которая по многим аспектам сближается с дискуссией вокруг «сельскохозяйственной многофункциональности».

сельскохозяйственные (а также ремесленные) производства, которые основываются на экологических и холистических знаниях о природе. Развитие этого сектора должно позволить освободиться от нежелательных побочных эффектов экстравертированного и продуктивистского земледелия, вместе с тем выполняя приоритетную задачу продовольственного суверенитета. Эта задача подразумевает реабилитацию т. наз. традиционного знания и его взаимопроникновение с научным узкоспециализированным и высокоточным знанием, результатом чего должна стать новая агрономия, характеризующаяся бережным отношением к окружающей среде и биологическому разнообразию.

Слияние различных форм знания является основой для динамического соединения и синергии секторов 5 и 6 (см. врезку).

Тот же подход с точки зрения различных подразделений общественного производства

Подход с точки зрения различных подразделений общественного производства отсылает к анализу схем воспроизводства Маркса. Эти схемы определяют скелет режима развития и его макроэкономическую и социальную связность как с точки зрения завершенности цикла, так и с точки зрения целей развития. Самое простое членение, предложенное Марксом, это деление на два сектора: SI соответствует производству средств производства, а SII – производству средств потребления. Основополагающий марксистский подход в терминах схем воспроизводства был впоследствии уточнен в ряде работ, посвященных развитию и условиям накопления капитала. Так, Amin (1973) делит в своих новаторских работах сектор II на два подсектора: сектор производства товаров потребления, предназначенных для воспроизводства наемных работников (S2), и сектор производства предметов роскоши для господствующего класса (S4). Принятие в расчет внешней торговли позволяет определить сектор экспорта (S3), как это делает в своих работах Амин и теоретики регуляции в работах о долгосрочных циклах развития во французской экономике (Bertrand 1983). В целом, согласно Mazier e.a. (1983: 113), «базовым принципом классификации подразделений общественного производства является установление соответствия между различными макроэкономическими функциями и секторами систем производства, которые их обеспечивают; при этом никакая граница не устанавливается *a priori*». Таким образом, как замечает Lipietz (1985), определение других форм и видов логики производства, повторяющихся во взаимоотношениях соединения с капитализмом и торговой логикой, позволяет еще больше отточить позитивный или нормативный анализ схем воспроизводства, по которым осуществляется развитие: можно охарактеризовать подсекторы в зависимости от способа производства и видов логики, которые по-разному содействуют макроэкономическим, социальным и экологическим функциям.

Именно в продолжение этих работ мы предложили выделить в качестве объекта новой исследовательской программы два новых производственных сектора (S5 и S6) с тем, чтобы набросать контуры постиндустриального развития.

Итак, мы выделили три типичные модели, основанные на определяющем соединении двух главных секторов производства.

	Центральное соединение
Модель зависимой, периферийной экономики (Амин 1973)	S3 — S4
Индустриальная модель развитой экономики центра (Амин 1973)	S1 — S2
Постиндустриальная модель устойчивого развития, основанная на воспроизводстве человека человеком	S5 — S6

Поэтому мы можем определить в общих чертах концепцию устойчивого развития как процесс постепенного замещения входных данных и целей производства. Это замещение происходит на двух уровнях:

– процесс поэтапного замещения материальных видов деятельности нематериальными и знаниеемкими с одновременным радикальным снижением энергоемкости производства. В первичном секторе этот процесс определяется постепенной заменой продуктивистского земледелия «крестьянским», основанным на многофункциональности и бережном отношении к биологическому разнообразию. Так же, как и в традиционных местных системах, это происходит благодаря использованию узального знания и агрономической техники, позволяющих сочетать лесоводство с земледелием, высокое качество продовольственной продукции с восстановлением природных ресурсов.

– процесс постепенного замещения коммерческих категорий некоммерческими, приводимый в действие как развитием и демократическим освоением общественного сектора государства всеобщего благоденствия, так и подъемом и усилением общественных ассоциаций. Два этих направления неотделимы от устойчивого типа развития, т. к. обеспечивают одновременно качество жизни, окружающей среды и рабочей силы, от которой зависит эффективность экономики основанной на знании.

Наконец, следует помнить, что внедрение такой модели устойчивого развития и солидарности Севера и Юга непременно предполагает регулирование, обеспечивающее *дифференцированность развития* на трех уровнях:

1. Сокращение материальных и загрязняющих среду производств должно опираться на четкое установление того, в каких областях

деятельности маркетинга и, следовательно, рост нежелательны, а в каких, наоборот, допустимы в ограниченном или значительном объеме.

2. С точки зрения времени и пространства, снижение материального роста при некоторых социальных и институциональных условиях вполне реально для развитых стран и в ближайшем будущем; в странах же Юга складывается совершенно иная картина: материальный рост многих производств пока представляется здесь необходимым для удовлетворения нужд растущего населения и построения сбалансированных инфраструктур и оборудования, необходимых для создания общественных служб экономики знания.
3. В институциональных механизмах, регулирующих международное разделение труда, любая стратегия развития невыполнима, если не выполняются два минимальных предварительных условия: i) возврат к структуре, где признается право развитых и развивающихся стран устанавливать свою, отличную от других, систему права на интеллектуальную собственность, и ii) восстановление права на выборочный протекционизм. Последний является за неимением лучшего единственным инструментом, дающим возможность — как на Севере, так и на Юге — порвать с продуктивистской моделью и учредить национальную и региональную политику, основанную на продовольственной самодостаточности и бережном отношении к биологическому разнообразию в сельском хозяйстве. Таким образом, пересмотр Марракешского соглашения, подписанного в рамках ВТО, в частях, касающихся интеллектуальной собственности и свободного обмена сельскохозяйственной продукцией, является необходимым этапом построения институционального уклада *иной* глобализации.

Выводы

Происходящие в настоящее время изменения капитализма и международного разделения труда, которые мы определили как переход к когнитивному капитализму, в высшей степени противоречивы: они усиливают тенденции к поляризации мировой экономики, но и содержат в себе возможности модели социально и экологически устойчивого развития, основанной на взаимопроникновении различных типов знания, пронизывающих миросистему. Мы попытались охарактеризовать некоторые черты идеального типа этой модели солидарного развития Севера и Юга, с учетом его экономического и экологического содержания. Эта модель может обеспечить высвобождение потенциала экономики знания, сбросившего оковы нынешнего регулирования когнитивного капитализма. Однако ее осуществление непосильно для каждой отдельной территории со всеми ее способностями к инновации и автономии, т. к. наталкивается на совокупность неолиберальной политики между-

народного разделения труда, основанной на разладе рынков и «огораживании» знания и живой природы. Как бы то ни было, очевидно, что в отсутствие противовеса в виде оппозиции в мировом или наднациональном масштабе, способной настоять на приоритете общественных прав перед коммерческой логикой и новыми правами собственности на знание и живую природу, современная динамика мутации капитализма рискует перейти в процесс, который, перефразируя Шумпетера, можно назвать «неконструктивным разрушением».

Перевод Екатерины Собенниковой-Гизакс

Библиография

- Aglietta M. (1976), *Régulation et crises du capitalisme*, Calmann Lévy.
- Amin S. (1973), *Le développement Inégal*, Minuit.
- Amin S. (2002), *Au-delà du capitalisme sénile*, Edition PUF-Actuel Marx.
- Bairoch P. (1999), *Mythes et paradoxes de l'histoire économique*, La Découverte.
- Berlan J. (2002), *Sciences sous influence : le maïs hybride et les mythes du progrès technique*, in Dockès, ed.
- Bertrand H. (1983), "Accumulation, régulation, crise : un modèle sectionnel théorique et appliqué", *Revue économique* 34, 2.
- Bessen J. & Maskin E. (2000), "Sequential Innovation, Patents and Imitation", *Working paper Department of economics*, Massachusetts Institute of Technology, №. 00–01, January.
- Boyer R. (2001), "L'après consensus de Washington : institutionnaliste et systémique", *L'Année de la régulation* 5.
- Boyer R. (2002), *La croissance, début du siècle*, Albin Michel.
- Castells M. (1998), *La société en réseaux*, Fayard.
- Clement D. (2003), "Du mythe de la nécessité des brevets pour susciter l'innovation", *L'Économie Politique* 19.
- Commissariat Général au Plan (2002), *La France dans l'économie du savoir*, La Documentation Française.
- Coriat B. (2002), "Le nouveau régime américain de la propriété intellectuelle", *Revue d'Économie Industrielle* 99.
- Dockès P., ed. (2002), *Ordre et désordres dans l'économie monde*, PUF.
- Dockès P. & Rosier B. (1988), *L'Histoire ambiguë*, PUF.
- Elliason G. (1996), "Firms objectives, controls and organization", *Economics of Science, Technology, and Innovation* 8.
- Foray D. (2000), *L'économie de la connaissance*, La Découverte.
- Freeman C. & Perez C. (1986), "The diffusion of technical innovations and changes of techno-economic paradigm", Document de Travail, University of Sussex, SPRU.
- Gadrey J. (2005), "Un demi-siècle de montée des services: la révolution permanente", *Le Mouvement Social* 211.
- Gorz A. (2003), *L'immatériel : connaissance, valeur et capital*, Galilée.

- Lebert D. & Vercellone C. (2004), “L'économie de la connaissance entre économie et histoire”, *Cahiers lillois d'économie et de sociologie*.
- Lipietz A. (1985), *Mirages et miracles*, La Découverte.
- Lipietz A. (1993), *Vert Espérance*, La Découverte.
- Lucas R. (1988), “On the mechanism of economic growth”, *Journal of Monetary Economics* 22, 1.
- Mansfield E. (1986), “Patents and Innovation: an Empirical Study”, *Management Science* 32.
- Marx K. (1980), *Manuscrits de 1857–1858 – Grundrisse*, t. 2, Éditions Sociales.
- Mazier J., Baslé M. & Vidal J.-F. (1984), *Quand les crises durent*, Economica.
- Mouhoud M. (1992), *Changement technique et division internationale du travail*, *Economica*.
- Monnier J. & Vercellone C. (2007), “Travail, genre et protection sociale dans la transition vers le capitalisme cognitif”, *European Journal of Economic and Social System*, Automne.
- Mouhoud M. (2003), “Division internationale du travail et économie de la connaissance”, in Vercellone, éd. (2003).
- Pignarre Ph. (2003), *Le grand secret de l'industrie pharmaceutique*, La Découverte.
- Romer P. 1990, “Endogenous technological change”, *Journal of Political Economy* 98, 5 (2).
- Shiva V. (1993), *Monocultures of the Mind. Perspectives on Biodiversity and Bio-technology*, Ldn: Zeed.
- Shiva V. (2001), *Il mondo sotto brevetto*, Milano: Feltrinelli.
- Shiva V. (2002a), *Terra madre. Sopravvivere allo sviluppo*, Torino: Utet.
- Shiva V. (2002b), *La biopiraterie, ou le pillage de la nature et de la connaissance*, Alias.
- Shiva V. (2002c), “La productivité des petites fermes”, *l'Ecologiste*, 7, t. 3 (1).
- Stiglitz J. (2002), *La grande désillusion*, Fayard.
- Thompson E. ([1963] 1988), *La formation de la classe ouvrière anglaise*, Gallimard – Le Seuil.
- Vercellone C., éd. (2003), *Sommes-nous sortis du capitalisme industriel*, La Dispute.
- Vercellone C. (2004), “Division internationale du travail, propriété intellectuelle et développement à l'heure du capitalisme cognitif”, *Géographie, Économie et Société*, 6, 4.
- Vercellone C., éd. (2006), *Capitalisme cognitif*, Manifestolibri.